

К.П. Сидоренко

О КОНЦЕПЦИИ СЛОВАРЯ ИНТЕРТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ ИЗ БАСЕН И.А. КРЫЛОВА

Статья посвящена некоторым принципам отбора и лексикографического описания интертекстовых единиц (цитат, литературных образов, крылатых выражений) из басен И.А. Крылова, на основе которых был создан словарь-справочник. Авторское слово рассматривалось в нем функционально, с учетом изменчивости, вариантности, нормативной подвижности, многообразия и противоречивости иллюстративных контекстов. Обработка источников начиная от первых десятилетий XIX в. и до начала XXI в. показала, что весь басенный корпус И.А. Крылова (198 произведений) вошел в цитирование. Словник издания насчитывает более 1700 словарных статей.

Ключевые слова: интертекстема, интертекстовая динамика, интертекстовая дисперсия, интертекстовое пространство, цитата, крылатое выражение, литературный образ.

Разработка основ современного русского интертекстового фонда привела к лексикографической попытке сплошной обработки басен Крылова как источника интертекстовых единиц. Обращение к художественным, публицистическим, учебным, научно-популярным и научным текстам, словарям, литературной критике, мемуарам, письмам начиная с первого десятилетия XIX в., а также ресурсам Интернета позволило сформировать картотеку, на основе которой был создан словарь-справочник цитат, литературных образов и крылатых выражений, восходящих к басням Крылова [1]. Под интертекстовой единицей, или интертекстемой, понимается «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи» [2. С. 11–12].

Как отмечают С.Г. Шулержкова и Л.П. Дядечко, в настоящее время выделяются три подхода к отбору и представлению крылатых слов и близких к ним единиц в справочной литературе. Во-первых, это сборники цитат без комментариев, отбираемых по усмотрению составителей; во-вторых, крылатые слова и крылатые выражения, получившие языковой статус, толкуемые и иллюстрируемые; в-тре-

тых, издания, куда вводятся разнородные фрагменты текста, «служащие доказательством функционирования авторского текста как интертекста» [3. С. 158]. К разряду словарей последней разновидности относится и представляемое в настоящей статье издание. Отбор материала и его обработка основаны на развитии ряда теоретических и практических вопросов, возникших более двадцати лет тому назад при обращении к материалу, соотносимому с текстами А.С. Пушкина и получившему первую интерпретацию в словарном издании, в котором интерпретировались цитаты из «Евгения Онегина» (см. [4]). Стремление максимально рассмотреть функциональные проявления «текста в тексте» определило разработку лексикографической методики, названной интертекстовой динамикой (в противопоставлении «интертекстовой статике»), согласно которой словарная обработка «чужого слова» проводится с опорой на учет особенностей его приспособления к новому контексту и дискурсу [2. С. 13]. Этот подход определил методику подготовки изданий, посвященных Пушкину, Грибоедову [5, 6], а также Крылову. Словарное описание интертекстем было ориентировано, прежде всего, на материал фразеологизированный, хотя имел место также комментарий единиц разных уровней, если он был целесообразен.

Последовательная обработка показала, что все басни Крылова так или иначе вошли в состав русского макротекста, т.е. совокупности «высказываний или текстов, объединенных содержательно или ситуативно, а также связанных на основе структурно-композиционного и культурного единства» [7. С. 216]. Это 198 произведений, распределенных автором по 9 книгам, а также большая часть басен, находящихся за рамками «канона» (см. [8]). Словарь содержит около 1700 статей, включая отсылочные, что было отражено в двух разделах справочной части («Алфавитный указатель словарных статей» и «Алфавитный указатель басен и восходящих к ним словарных статей»).

При отборе материала и, соответственно, структурировании словарной статьи мы вводили то, что объективно отражает место Крылова в русской речи и обладает иллюстративной целесообразностью. Это приводило к минимизации количества контекстов, полученных из источников. При обработке содержательной структуры интертекстовой единицы в словарной статье приоритет отдавался тому, что соотносится с интертекстовым стереотипом, т.е. устоявшимся зна-

чением (при его наличии) и его возможными вариантами. Так, для крылатого выражения *А Васька слушает да ест* [1. С. 5–6] это – «Кто-либо не обращает внимания на доводы, упрёки и т.п.»:

Спроектированное архитектором Чечулиным громоздкое, многоэтажное здание гостиницы неизбежно будет главенствовать над Кремлем <...> Ну вот, получилось, как и во многих подобных случаях, по Ивану Андреевичу Крылову: «*А Васька слушает да ест*». Сколько спорили, писали, шумели, организовывали «круглые столы», разводили дискуссии, высказывали единодушное мнение, а Зарядья между тем нет... (В.А. Солоухин. Знаменский собор в Москве <1984>).

Далее следует интертекстовый дериват – «*В шутл. оценке внутренней сосредоточенности*»:

У меня гостит А.Н. Плещеев. На него глядят все, как на полубога, считают за счастье, если он удостоит своим вниманием чью-нибудь простоквашу <...> *А он «слушает да ест»* и курит свои сигары, от которых у его поклонниц разбаливаются головы (А.П. Чехов – А.С. Суворину, 30 мая 1883 г.).

Третья дефиниция занимает положение, которое, используя терминологию словообразования, можно соотнести с кодеривацией – «О кошках как басенных персонажах»:

Древнейший литературный жанр, в котором издавна «поселились» кошки, – это басни, начиная с Эзопа <...> Басенные коты олицетворяли такие людские пороки, как хитрость, жадность, коварство: «Свирепый тот мучитель-кот!» (А. Сумароков. Кот и Мышь), «под видом кротости он враг наш» (И. Дмитриев. Петух, Кот и Мышонок), «коты и все умны, но только лицемерны» (А. Измайлов. Черный Кот), <...> «*худые песни Соловью в котях у Кошки*» и «*а Васька слушает да ест*» (И. Крылов). (Н.П. Брешева. Образ кошки в мифологии, фольклоре и русской литературе <2010>).

Последний случай выходит за рамки интертекстового стереотипа, но хорошо иллюстрирует потенциал басни.

Представленные интертекстовые единицы не всегда позволяли воплощать жесткие принципы обработки в силу своего разнообразия, структурно-семантической нечеткости, проблемности выделения и паспортизации. Неоднородность материала, порождающую ряд классификационных и теоретических проблем при обращении к крылатым выражениям, отмечает и Л.П. Дядечко [9. С. 127].

После заголовка (инициальная часть) иногда приводились контекст или фрагменты басни с элементами пересказа, источниковедческими или этимологическими замечаниями (преамбулой). Это оживляло содержание басни и стимулировало обращение читателя к первоисточнику. Толковательная часть была ориентирована как на традиционные дефиниции, так и на указание на дискурсивные ситуации, дающие основания для использования соответствующего выражения. В иллюстративных контекстах мы стремились показать возможные варианты адаптации авторского слова в соответствии с принципами интертекстовой динамики. Все, что соотносилось с текстом басни, выделялось прописными буквами (в данной статье – полужирным курсивом). См. ниже сокращенный пример словарной статьи:

РЫБЬЯ ПЛЯСКА («Рыбья пляска»)

«От жалоб на судей, На сильных и на богачей» Лев «пустился сам свои осматривать владенья». Он видит Мужика, который был назначен «старостой над водяным народом», жарящего рыб, при этом «Бедняжки прыгали от жару кто как мог». Разгневанный Лев спрашивает: «Да отчего же... Они хвостами так и головами машут?» На это Мужик отвечает: «Оне от радости, тебя увидя, пляшут». <Ср. о выражении «рыбья пляска»: «Я подошел с ружьем к небольшому озерку, кругом обросшему высокою и плотною гривною камыша, и вдруг услышал какой-то странный шум воды <...>. Я осторожно вошел в камыш, по колени в воде пробрался до его края и увидел – настоящую рыбью пляску, производимую средней величины плотвою. Не вдруг догадался я, что значит такое явление, хотя слышал о нем. Впоследствии несколько раз имел я случай наблюдать этот процесс у лещей и особенно у карасей» (С.Т. Аксаков. Записки об ужении рыбы (1847)).>

- В оценке творчества Крылова.

Странно бы было говорить, что Крылова басни прекрасны: это все равно, что рассказывать за новость о белизне снега или о свете дневном. Но и в прекрасном есть степени: **«Рыбья пляска»** (напечатанная в «Сыне отечества») в своем роде совершенство (В.К. Кюхельбекер. Дневник. 25 ноября 1833 г.).

- Об истории создания басни.

Цензор, вообразив, что баснописец разумеет в ней [басне **«Рыбья пляска»**] путешествовавшего тогда по России императора Александра, положительно ее запретил. Это так оскорбило Крылова, что он в порыве негодования хотел было уничтожить свою басню, но уступил наконец просьбам друзей и переделал ее (В.Ф. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова <1869>).

<...>

- В ирон. характеристике веселья, сопровождающегося «плясками».

По воскресеньям у Катина собиралась молодежь, и тогда серьезные разговоры о народе заменялись пением, танцами <...>. Варавак сердито назвал это веселье: **«рыбьи пляски»** (М. Горький. Жизнь Климата Самгина <1927>).

- В обыгрывании и сравнении с содержанием басни.

Пореформенное вымирание русского народа, многие лета объявляемое нашими учеными статистиками, государственными мужами и демократическими журналистами «явлением, вполне естественным для всех благополучных стран», – разве не та же **«рыбья пляска»** от дедушки Крылова? (<http://newsnet.in.ua> <2009>).

[Назв. заметки: **Рыбьи пляски**] У одной же бабушки был старинный многоведерный аквариум с золотыми рыбками. В ее каморке он не помещался, и она держала его в общей кухне, где соседи жарили всякую рыбу, скумбрию и хек, на расширенных от ужаса глазах аквариумных рыбок <...> И кончилось все тем же криминалом: как-то, когда не было хорошей бабушки, плохая, одержимая злым голодом, выловила этих рыбок и изжарила на постном масле. <...> Но этот факт жестокого мучительства и рыбоедства не сломил хорошую бабулю. Напротив, лишь придал ей мстительного духу <...>. Тамошний опер, опухший от своих забот, долго ее слушал, открыв рот; наконец смачно плюнул и сказал: «Да подавись! Открою тебе дело – и судись!» И дело завели (А. Росляков. Рыбьи пляски <2008>).

<http://www.roslyakov.ru/cntnt/nijneemenu/sme/ribiplyask.html>) [1. С. 445–447].

Принципы комментирования обладают двоякой направленностью: во-первых, перспективной, когда фрагменты басенного текста показываются в новом контексте, что и является основой словаря; во-вторых, ретроспективной (источниковедческой, исторической, этимологической). Например, заглавие басни «Ворона и Курица» вводится в словарь как вокабула, после которой в составе преамбулы дается комментарий:

*Басня, по-видимому, была реакцией на журнальную заметку о том, что французы в Москве едят ворон: «Теперь можно дать отставку старинной русской поговорке: попал, как кур во щи», а лучше говорить: «попал, как ворона во французский суп» (Сын Отечества, 1812, № 7, 44). Этот фразеологический неологизм кодифицируется позже, поговорка «попался, как ворона в суп» была помещена в сборнике Д.М. Княжевича (1822), ее вводит В.И. Даль (в нескольких вариантах) в «Пословицы русского народа» (1862). Итак, по Крылову, Ворона становится пищей французов, т.к. им больше нечего есть. Однако в самой басне и ее паремнологической интерпретации умышленно забыта одна подробность: французы едят ворон. Ворона стала жертвой своей «ложной пресуппозиции»: «Очевидцы рассказывают, что в Москве Французы ежедневно ходили на охоту стрелять ворон и не могли нахвалиться своим *soupe aux corbeaux*» (Сын Отечества, 1812, № 7, 44). Это сообщение дается в № 7 за 1812 г. «Сына Отечества», басня же напечатана в № 8. Перед нами намеренное переосмысление Крыловым заметки о воронах в пользу русского «гастрономического» стереотипа [1. С. 85].*

Прежде всего, словарь дает представление о круге выражений, соотносимых с баснями, которые условно можно назвать «общеизвестными», т.е. узнаваемыми, относительно регулярно цитируемыми (например, «Ворона и Лисица», «Слон и Моська», «Квартет», «Лебедь, Щука и Рак», «Ларчик», «Кот и Повар», «Волк и Журавль», «Волк на псарне», «Любопытный», «Мартышка и Очки» и др.). Количество их, по данным упрощенного опроса и опыта общения со студентами-филологами, относительно невелико, это 10–15 произведений, всего же, по наблюдениям С.Г. Шулешковой, в словарях кры-

лательных единиц отмечено около 50 выражений [10. С. 90]. Особенно-стью выражений из «популярных» басен является идиоматическая контрастность, возникающая как результат противоречия между узуальными значением и формой и их функциональными вариантами. Приведем два примера, восходящих к басне «Лебедь, Щука и Рак».

Словарная статья **Воз и ныне там** открывается толкованием устоявшегося значения паремии «*Об отсутствии положительных изменений в каком-л. деле*» и иллюстрацией:

Вот и опять поп сделал больше профессора», – говоришь невольно, взглянув на компактный том священника Н.Р. Антонова «Русские светские богословы» <...>. Так и был бы **«воз и ныне там»**, если бы не старая, крепкая, трудолюбивая семинария: незаметный приходский священник Н.Р. Антонов <...> взял брошенное дело в свои руки (В.В. Розанов. [Рец.:] Н.Р. Антонов. Русские светские богословы и их религиозно-общественное мирозерцание <1912>) [1. С. 72].

Однако в словарной статье приводится и дефиниция-комментарий – «*В осмыслении басни с точки зрения физики*»:

Перед нами механическая задача на сложение нескольких сил, действующих под углом одна к другой <...> Не забудем, что существует еще четвертая сила – вес **воза**, которая направлена отвесно вниз. Басня утверждает, что **«воз и ныне там»**, другими словами, что равнодействующая всех приложенных к **возу** сил равна нулю. Так ли это? (Я.И. Перельман. Занимательная физика <1913>) [1. С. 73].

Ниже приводятся примеры из других басен, иллюстрирующие тезис об инновациях, отраженных в словаре. Так, слова из басни «Волк и Ягненок» **Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом Здесь чистое мутить питье Мое с песком и с илом**, вынесенные в заголовок словарной статьи, получают толкование «*Об абсурдных обвинениях, нелепых запретах*» и сопровождаются иллюстративным примером:

Употребление русского языка или местного, т.е. белорусского наречия, по официальной терминологии, принятой в Польше, в проповеди и церковнославянского за богослужением власти квалифицировали как злокозненные усилия, направленные на денационализацию православных поляков – цинизм, заставляющий вспомнить слова из знаменитой крыловской басни: **«Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом здесь чистое мутить питье мое с песком и с илом»** (Протоиерей Владислав Цыпин. Православная Церковь в Польше между первой и второй мировой войной. <http://www.orthedu.ru> <2009>) [1. С. 198].

Но функциональный вектор в современных контекстах отклоняется в сторону проблем экологии, гигиены и т.п. Ср.:

Суть нанотехнологий Дельта-фильтрации состоит в одномоментном упорядочении раскладки зерен и загрузки в завершении промывки фильтра <...> Anonymous <...> выдал свой уникальный пост прямо-таки по басне Крылова: **«Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом здесь чистое мутить питье мое с песком и с илом?»** (Ю.А. Ищенко. Нанотехнологии водоснабжения, теплоэнергетики, водоотведения <2009>. <http://www.nanonewsnet.ru/articles>); Просит налить гриб (чайный), налила, Гриша недопил. Петя решил допить. Гриша ему: **«Что ты своим рылом мой гриб мутить»**, все в шоке, потом я вспомнила, что в **«Волке и Ягненке»** Волк говорит **«Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом здесь чистое мутить питье мое...»** (<http://www.sol-agency.ru/blogs.html> <2009>) [1. С. 198].

Крылатое выражение **«Оглянуться не успела, как зима катит в глаза»** («Стрекоза и Муравей») последовательно используется в критике городских коммунальных служб, например:

Уж зима катит в глаза. [В тексте] Впервые в этом году все мероприятия по подготовке жилищно-коммунального хозяйства <...> к новому отопительному сезону проходили под пристальным оком городской прокуратуры. И уже сейчас можно сделать предварительный вывод о том, кто этим **«красным» летом** выступил в роли трудолюбивого **Муравья**, а кто оказался **попрыгуньей Стрекозой** (НЭП-плюс. Еженедельная газета [Ухта]. 2003. № 36) [1. С. 358].

В последнем примере исходная цитата стимулирует употребление ряда смежных единиц, втягивая их в «обслуживание» коммунално-хозяйственной тематики: расширяется интертекстовое пространство в рамках микротекста. Басня присутствует в новом тексте в целом, реализуется ее полидискурсивность, проявляющаяся в оценочной универсальности [11. С. 87].

Значительная часть фрагментов из басен Крылова, как и сами басни, воспринимаются нередко приблизительно или вообще не узнаются «средним» читателем. Тем не менее присутствие их в русском макротексте и сплошная лексикографическая выборка дают много неожиданностей. Полузабытая басня «Крестьянин и Лисица» оживает в цитировании и становится источником серии словарных статей (*В ком есть и совесть и закон, тот не украдет, не обманет; Некраденый кусок приелся скоро ей; Я ли воровством одна живу на свете* и др.). Восходящую к тексту басни поговорку *вору дай хоть миллион – он воровать не перестанет* («Крестьянин и Лисица») встречаем в рассуждении о причинах воровства:

Мы думаем, что *воровство* есть искусственная форма приобретения, к которой человек вынуждается крайностью; а Крылов говорит, что это есть естественное качество иных людей и что – *вору дай хоть миллион, он воровать не перестанет* (Н.А. Добролюбов. Луч света в темном царстве <1860>); Каждого четвертого жителя крупного города, по статистике, ежегодно обкрадывают. Воруют кошельки, документы, сотовые телефоны <...> *«А вору дай хоть миллион – он воровать не перестанет»* (Р. Боев. Тонкости «карманного» искусства) (Деньги. 2006. № 1-2) [1. С. 89].

Ср. эксплицированный вариант, объединенный с предшествующими смежными стихами басенного текста:

Грязинский городской суд Липецкой области приговорил к двум годам лишения свободы условно и к 5000 рублям штрафа бывшую главу администрации села Коробовка <...> обвинявшуюся в мошенничестве и семи случаях присвоения вверенного ей имущества <...>. *«В ком есть и совесть, и закон, Тот не украдет, не обманет, В какой бы нужде ни был он; А вору дай хоть миллион – Он воровать не перестанет»* (Липецкий информационно-справочный портал <2010>. <http://gorod48.ru>) [1. С. 47].

Редкое, но понятное и кажущееся знакомым выражение *А где пастух дурак, там и собаки дуры* («Волк и Волчонок») также вводится в словарь как вокабула. В новом применении эти слова получают производное значение – «О нападении собак на людей»:

[Заголовок] Кто остановит собак убийц? [В тексте] Не проходит и месяца, чтобы из какого-нибудь российского города не пришла трагическая новость о нападении *собаки* на человека (Кирилл Ильин) (Угличская газета. 2008. 8 апреля). [В реакциях посетителей сайта] *А где пастух дурак, там и собаки дуры!* (Крылов) (<http://uglich.ru> <2008>) [1. С. 9].

Мало кому сейчас известные слова *в глуши расцветший василек* из басни «Василек» – о выздоровлении тяжело заболевшего Крылова благодаря заботе императрицы Марии Федоровны [12. С. 195], вынесены в заглавие словарной статьи и получают толкование «О душевном возрождении»:

Ну, вот и выглянуло над Васильевским островом солнце! Оживаю под его лучами, как «*в глуши расцветший василек*» (А. Морозов. Прежние слова) (Знамя. 2002. № 4).

Однако об известности басни в XIX в. свидетельствует цитата, возникшая как шутовское обыгрывание имени:

Когда входил Милькеев, дети кричали как можно басистее и грубее: «Васька! Васька!», а когда входил Руднев, они кричали самым тонким дискантом: «Васинька! Васинька!» Сверх того, Милькеев был по-прежнему Василиск, а Руднева Федя прозвал: «*В глуши расцветший василек*» (К.Н. Леонтьев. В своем краю <1864>) [1. С. 44].

Даже если мы никогда не встречали приводимые сентенции, они, по сути, являются потенциальными паремиями и могут употребляться совершенно естественно, производя впечатление чего-то «своего», когда-то встречавшегося. В этом сила крыловского текста. Например, готовую поговорку представляет собой выражение из басни «Лев и Барс» в оценке неискренней поддержки, лукавой похвалы:

Вот истинное беспристрастие! Г-н Ф.Б. за одно нападает на г. Полевого, а за другое хвалит его <...>. Это напоминает басню Крылова «Лев и Барс», которая оканчивается этим стихом: ***Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет*** (В.Г. Белинский. Литературные и журнальные заметки <1842>); <...> думаю, что этого автора вполне можно отнести к «нейтральному» обозревателю, памятуя при этом известную мораль басни Крылова: ***«Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет»*** (Н. Шевельчинский. «Всяк человек ложь» (Православная Русь. 2004. № 18) [1. С. 222]).

Ср. подобные «готовые» афористические высказывания-заголовки словарных статей: ***А в аде первенство, известно, тот берет, кто ближнему наделал больше бед*** («Клеветник и Змея»); ***Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое*** («Лев и Человек»); ***А мне, за песни и за сон, не надобен ни миллион*** («Откупщик и Сапожник»); ***Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей*** («Плотичка»); ***С разбором выбирай друзей, когда корысть себя личиной дружбы кроет*** («Роща и Огонь»); ***Свежесть лишь вода движеньем сохраняет*** («Пруд и Река»); ***Сила без ума сокровище плохое*** («Лев и Человек»); ***Собака нанялась и двор стережет, и хлебы печь*** («Крестьянин и Собака»); ***Ты все порхала да летала*** («Кукушка и Горлинка»); ***Хоть ты и в новой коже, да сердце у тебя все то же*** («Крестьянин и Змея»); ***Худые песни Соловью в когтях у Кошки*** («Кошка и Соловей»); ***Чем больше чистит он, тем только больше пятен*** («Голик»); ***Чем правом кто дурней, тем более кричит и ропщет на людей*** («Волк и Кукушка»); ***Я лишние хвалы считаю за отраву*** («Муравей») и мн. др.

Иллюстративный материал словаря показывает, что интертекстовые единицы в речи употребляются по-разному: это и прямая цитата с отсылкой к Крылову, и цитата скрытая, и фрагмент полного высказывания, выполняющий функцию аллюзии или реминисценции. Часто басенный фрагмент вводится во вторичный текст с изменениями, «нарушением» точности цитирования. В издании, рассчитанном на максимальное описание интертекстового потенциала одного писателя, такие «отклонения» не должны осуждаться как случаи небрежного отношения к авторскому слову, их целесообразно комментировать при помощи соответствующих словарных помет или помечать особым знаком. В нашем словаре употреблялся значок

звездочка – (*), если необходимо было выделить сам факт свободного цитирования. Так, слова **Уж братъ, так братъ, а то и когти что марасть** («Вороненок») были в измененном виде употреблены А.С. Пушкиным в значении «Если уж предпринимать что-л., так что-то важное, существенное»:

Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно, они вспомнят обо мне <...>. ***Если братъ, так братъ – не то, что и совести марасть** – ради бога, не просить у царя позволения жить в Опочке или в Риге; черт ли в них? а просить или о въезде в столицы, или о чужих краях (А.С. Пушкин – П.А. Плетневу, 4–6 декабря 1825 г.); Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница. В роде Дон-Жуана – о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и измерить круга своего действия – лучше об ней и не думать – ***А если братъ, так братъ, не то что и когтей марасть** (А.С. Пушкин – П.А. Вяземскому, 4 ноября 1823 г.) [1. С. 540].

Неточное цитирование встречается и в литературной критике:

[В оценке басен Крылова] Остановимся над второю, переведенною из Лафонтена <...>. У Лафонтена и последователей его звери любят более говорить и действовать, нежели у фригийского невольника. Наш **ворон** думает себе: ***Уж братъ, так братъ, А то и что и когтей марасть** (М.Т. Каченовский. Новые басни Ивана Крылова <1812>) [1. С. 540].

Подобные случаи «небрежности» свидетельствуют о глубине вхождения авторского слова в живую речь, и словарь является ценным источником изучения этого явления. Заметим, однако, что словари, рассчитанные на описание «крылатого» фонда языка и соотносимые со многими авторами, учитывают авторские модификации с известной долей осторожности, что представляется совершенно справедливым (см. напр.: [13, 14]).

Намек на исходный крыловский текст также входит с соответствующим комментарием в состав словарной статьи. Например, словарная статья **Умный секретарь** соотносится с моралью басни «Оракул» «Судей таких видали, Которые весьма умны бывали, Пока

у них был умный секретарь», что и отмечается в преамбуле. Далее в зону толкования вводятся две интерпретационные позиции («Как измененная скрытая цитата» и «Ср. в рекламе оборудования для офиса»), сопровождающиеся иллюстрациями:

Жена и дети, друг, поверь – большое зло:
От них все скверное у нас произошло.
Но делать нечего: так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря
(А.С. Пушкин. Послание к цензору <1822>);

[Заголовок] **«Умный секретарь»**. [Далее] Компания Dok.Telecom предлагает инновационный подход к организации офисной телефонной связи с использованием собственных разработок. Одно из решений – **«Умный секретарь»**, которое сочетает в себе удобство, лояльность, функциональность и оперативность в общении с клиентами (<http://client.doktelecom.ru> <2010>) [1. С. 544].

В приведенной выше иллюстрации из Пушкина интертекстовый шаг поддерживается и композиционным сходством (финал басни > финал стихотворения) как особым типом интертекстемы.

Подобная характеристика имеет предположительный характер и может вызывать возражения у тех, кто пользуется справочником, поэтому нередко пометы типа «возможно», «сравни» и т.п.

При лексикографическом описании возникает вопрос о паспортизации паремиологического единства, когда оно разделяется на составляющие части (интертекстовая дисперсия), каждая из которых «стремится» к автономности. Так, слова **А смотришь, помаленьку то домик выстроит, то купит деревеньку** («Лисица и Сурок») употребляются в иронической оценке нечистых на руку предпринимателей, политиков, в осуждении корысти, прикрываемой патриотизмом, и т.п. При иллюстрировании значения на первом месте помещается пример, в котором исходное единство сохраняется, хотя скрытая цитата-вкрапление употребляется усеченно:

<...> науки и словесность у нас в самом блистательном состоянии. Укажу вам на книгопродавцев. **Посмотрите**, как они разжигаются: **то домик выстроят, то купят деревеньку**. Чем же? Тор-

говлею. Какою? Книжной (К.Н. Батюшков. Похвальное слово сну. Письмо к редактору «Вестника Европы» <1816>) [1. С. 513].

Однако достаточно типичным будет разделение паремии на два сегмента:

Имя «патриот» – как награда от потомков предкам. Если же человек сам себя одевает в имя «патриот» – это все равно, что он присваивает чужие награды <...>. Не похоже ли это на некоторых отечественных «патриотов», не стесняющихся одевать майки с гербом РФ, но при этом *«выстраивающих домики»*, то бишь виллы, на чужих морских берегах и *«скупающих деревеньки»*, то бишь земли, по всей России! (А. Степанищев. Патриотизм – последнее прибежище негодяев?) (Интернет-газета ZONA KZ. 2009. 23 дек. <http://rusedin.ru/author/stepanishev/index.html>) [1. С. 129].

В результате появлялись дополнительные словарные статьи, в данном случае – *домик выстроит* и *купит деревеньку*. Это приводило к увеличению словника и, соответственно, объема словаря, поэтому нередко вокабула имела отсылочный характер, например: *Матрена*. См. *И сделалась моя Матрена ни Пава, ни Ворона; Механикой был страстен*. См. *Как видно, молодец механикой был страстен*; *Совет из норки*. См. *Но кстати ли Орлу принять совет из норки*; *Овечьи старосты*. См. *В овечьи старосты у Льва просился Волк* и т.п.

Таким образом, словарь отражает разные виды связей первичного крыловского текста и текстов вторичных, что определяет особенности интертекстовой динамики. Довольно часто басенная цитата возникает как реакция на стимул (слово или тему), и это является единственным основанием для использования иллюстративного примера. «Традиционное» толкование становится неуместным, его заменяет дефиниция-комментарий *«как реакция на...»*: энергия басенного текста такова, что «значительная часть крыловских выражений употребляется в составе ассоциативных структур» [15. С. 301]. При этом достаточно типичным будет положение, когда содержание цитаты не соотносится с басенной содержательной доминантой и опирается, как отмечалось выше, на бытовую конкретику. Например, таким текстовым стимулом будет слово в буквальном значении при описании перипетий, связанных с реальным *мостом*. Возникает

«цитата для цитаты», не комментирующая *поиски брода*, как это было в басне «Лжец» (*мост > чем на мост нам идти, поищем лучше броду*):

«Когда же нам приказано выступать?» – спросил Коншин. «Сейчас надобно уж начать выступление», – ответил Шангин, и Ливенцев удивленно сказал, пожав плечами: «О чем же мы говорим еще, если сейчас? Сейчас – значит сейчас. И будем двигаться *на мост*. – *«Чем на мост нам идти, поищем лучше броду!»*» – неожиданно для всех продекламировал Тригуляев, и на этом закончилось обсуждение задачи. Через четверть часа рота Ливенцева первой подошла к *мосту* (С. Сергеев-Ценский. Преображение России <1958>) [1. С. 569].

Типична и цитатная реакция на предметную конкретику, обозначение которой лишь пересекается с басенным персонажем (*Слон > по улицам Слона водили*, басня «Слон и Моська»). При этом происходит инверсия в ассоциативной структуре, слово-стимул («фигура слона») располагается после реакции-цитаты:

В Международный день защиты детей Центр проводит на Дворцовой площади интерактивный праздник «Волшебная страна» <...>. В завершении праздника состоится акция *«По улицам Слона водили»* <...>. На площадке будет установлена 3-метровая фигура слона (Портал Северо-Запада России. 2009. 31 мая. [http:// spb.allnw.ru](http://spb.allnw.ru)) [1. С. 398].

Стимул может быть соотнесен с двумя реакциями, т.е. ассоциативное стремление микротекста к мегатексту (басня > книга басен) нередко приводит к расширению интертекстового пространства (см. ниже «Зеркало и Обезьяна» и «Обезьяны»):

«Слушай, ты понимаешь, что твой ученик – *обезьяна*? Только что прыгнул с ветки, да зацепился навеки, на ней и останется! Природу не перевернешь. Дедушка Крылов что говорил? *Я удавилась бы с тоски, когда бы на нее чуть-чуть была похожа...* – «Зеркало и Обезьяна», вспомнила?» – «Кто обезьян видал, те знают, как жадно все они перенимают...» – «Обезьяны», – пари-

рвала Лиза (Анафема. Правдивая история-буфф <2009>. <http://www.russianlife.nl/anafema.htm>) [1. С. 595].

Нередки случаи обыгрывания мотивационных связей, когда интертекстовый апеллатив стимулирует употребление онима в цитатном «ореоле» (см. ниже: *дуги* > *Дугин* > *дуги гнут...*): слова из басни «Трудолюбивый Медведь» *дуги гнут с терпеньем и не вдруг* возникают как реакция на фамилию *Дугин* в иронической оценке кропотливой, но бесполезной деятельности:

[Заголовок] *А Дугин гнет свое с терпеньем и не вдруг*. [В тексте] Александр *Дугин*, – фигура странная <...>. Читать его не то чтобы трудно, но удивительно заунывно (А. Андреев) (Лебедь. Независимый альманах. 1997. № 42. <http://legart.eto-ya.com/2009/04/10/trishkin-kaftan/>) [1. С. 132].

Ср. пример употребления этой же цитаты, ориентированной на буквальное значение слова *дуга*:

Русская телега на улицах Сан-Франциско <...>. На русской ярмарке в Стерн Гров парке телегу окружали сотни американцев <...>. *Дуга* и гужи приводили фермеров в восхищение <...>. *Дуга* была единственным предметом, занятым у шорной фирмы, владелец которой поведал, что во всей Америке не нашлось мастера для изготовления *дуг*. Недаром Крылов сказал, что «*дуги гнут с терпеньем и не вдруг*» (Г.С. Курганов, П.М. Куренков. Тайны русской революции и будущее России <1953>) [1. С. 132].

Как отношения стимула и реакции можно воспринимать и примеры лингвистических иллюстраций в учебной и научной литературе, например:

Существительные среднего рода с суффиксом [-j] (орфографически слова на -*ье*) имеют собирательное значение «группа однородных лиц, предметов, названных мотивирующим словом» <...>. *Оконье: бедняжка-нищенкий под оконьем таскался* (Крылов) (Русская грамматика. Т. I <1982>) [1. С. 28]; Отдельные существительные с ударением, колеблющимся или отступающим от нынешнего <...> «*Случай*» имеет долго в бытовой речи ударение на суф-

фиксе: *Да не вошел ли он в случай клыками?* (Крылов, Слон в случае) <...> *А только в случай попадись, – он первый явится в передней* (Крылов, Хмель) (Л.А.Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века <1954>) [1. С. 17].

Формальное обыгрывание, вызывающее ассоциативные реакции, было отмечено Т.А. Гридиной на примерах словообразовательной вариантности [16. С. 78], однако такой материал имел вспомогательный характер и вводился в словарную статью выборочно.

Пространство Интернета наполнено всякого рода словесными шутками, среди которых интертекстовые единицы из Крылова занимают осязаемое место. В этих случаях в словарной статье также дается не толкование, а комментарий – «в обыгрывании», «в словесной шутке» и т.п.:

Вопрос:

За третье место Фурманов и Анка

Играют в карты возле арсенала.

Он сто очков уж вытащил из банка [...]

Ответ:

Очков с полдюжины себе она достала.

Автор: Алексей Чаплун (Черкаск). Источник: «Мартышка и Очки».

(База вопросов. БесКРЫЛОВки <2005>. <http://db.chgk.info/files/krylov-a.html>) [1. С. 388];

Слегка побраконьерствовать надумал рыболов,

И в воду динамит бросает наш молодчик.

Мы видим на поверхности следы его трудов [...]

Ответ:

Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек.

Источники: И.Крылов, «Демьянова уха». Авторы: Егор Тимошенко.

(Интернет-чемпионат по бескрылкам <2009>. <http://chgk.zaba.ru>) [1. С. 90].

Можно по-разному относиться к такому творчеству, но это живые факты, без умеренного привлечения которых обойтись невозможно.

Ср. также использование словесных шуток-центонов, т.е. стихотворений, составленных из разных стихов:

*Однажды лебедь, рак да щука
Затеяли сыграть квартет,
Так тянут плавно и протяжно –
А Васька слушает да ест...*

(Поиграем? Немножко центонов по Крылову <2008>. <http://rezoner.livejournal.com>) [1. С. 360].

Этот материал в силу своей специфики также давался как дополняющий основную часть словарной статьи с отсылочными пометами: цели его исчерпывающего описания и паспортизации авторы не ставили.

Несколько слов о литературных образах как объекте словаря. При ослаблении собственно цитатной функции возникает необходимость обращения к басенному образу, который и выносится в заголовки словарной статьи. Это, прежде всего, имена персонажей животных (*Медведь, Лев, Обезьяна, Орел, Ворона, Ворон, Собака, Лошадь, Лисица* и др.). Например, словарная статья *Змея* разделяется на четыре комментируемые части: 1. О *Змее* как собирательном образе у Крылова. 2. *Змея* – персонаж басни «Крестьянин и Змея» (Книга 4, XIII). 3. *Змея* – персонаж басни «Клеветник и Змея». 4. *Змея* – персонаж басни «Крестьянин и Змея» (Книга 6, XVI). Каждый раздел такой словарной статьи иллюстрируется.

Чтобы показать разноплановость и неизбежную противоречивость материала, введенного в словарь, представим перечень словарных статей, соотносимых с басней «Разборчивая Невеста» (название, в свою очередь, стало литературным образом):

А ей считать большой досуг; А ныне, ах! ее зовут уж на бостон; А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты; Вкруг ней бывало тесно; Вот наша девушка уж стала девой зрелой; Вышла за калек; Ее зовут уж на бостон; Женихи, как на отбор, признатные катили к ней на двор; Женишонки; Зачнет считать своих подруг; Зеркало докладывать ей стало; Красавица была немножко прихотлива; Красавица, пока совсем не отцвела, за первого, кто к ней посватался, пошла; Кто ж может все иметь; Не женихи, а женишонки; Невеста-девушка смышляла жениха,

тут нет еще греха; От пленников ее вокруг ней бывало тесно; Рада, рада уж была, что вышла за калеку; Разборчивая невеста; Смышляла жениха; Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен; Такие женихи другим невестам клад; То нос широк, то брови густы; Тот не в чинах, другой без орденов; Тут нет еще греха; уж стали женихи наворачиваться реже; Умильны ямочки пропали на щеках; чтоб был хорош, умен; Чтоб в одиночестве не кончить веку; Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.

Итак, составление словаря интертекстовых единиц из басен Крылова основано на использовании принципов интертекстовой динамики, согласно которым описываемый текстовый фрагмент рассматривается функционально, с учетом изменяемости, вариантности, дробления, ассоциативной и нормативной подвижности, разнородности иллюстративных контекстов, соотносимых с «отрицательным языковым материалом», важность учета которого в лингвистике высоко ценил Л.В. Щерба [17. С. 33]. Классификация словарей, ориентированных на обработку интертекстового материала, помимо учета указанных выше трех подходов к отбору и организации материала (см. [3. С. 158]), позволяет ввести противопоставление «словари статические – словари динамические» [18. С. 479]. Сплошная выборка предполагает обработку как всего текстового наследия писателя, так и части принадлежащих ему текстов, в нашем случае – это корпус басен Крылова как мегатекст. Как типологически близкие мегатексты могут рассматриваться, например, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина или «Горе от ума» А.С. Грибоедова. В этой связи стоило бы отметить интересные лексикографические опыты словарного описания поэтического наследия А.В. Кольцова и крылатых выражений Н.В. Гоголя (см. [19, 20]).

Как говорилось выше, интертекстовые единицы представлены в первую очередь материалом фразеологическим и соответствующим исходному фрагменту претекста, однако в той или иной мере в словаре учитывалось все, что соотносится с интертекстом, под которым в аспекте лексикографическом целесообразно понимать совокупность инвариантных признаков, позволяющих устанавливать отношения деривационной общности между текстами.

Было бы неверным утверждать, что максимальное описание интертекстовых возможностей конкретного писателя имеет вспомогательный характер по отношению к комплексной «крылатой» лекси-

кографии. Это особое направление, способствующее исследованию творчества писателя, как исследуется оно, например, литературоведением. Еще в Предисловии к Словарю 1847 г. говорилось о роли конкретного писателя в истории языка и отмечалось место Крылова, который «блистательно довершил усовершенствование языка басни, соединил прелесть изящных поэтических образов с непринужденною свежестью народной речи» [21. С. 7].

Данный словарь может быть полезен студентам-филологам при изучении истории русского литературного языка, диалектологии, современного русского языка, русской речевой культуры и, в частности, истории формирования русской литературной нормы. Материалы словаря могут быть использованы в специализированных курсах по русской фразеологии, общей и писательской лексикографии. Говорить о предназначении справочника для широкой читательской аудитории, безусловно, нецелесообразно по ряду причин, однако в перспективе при тщательном отборе и значительном сокращении популярный словарь по басням Крылова мог бы быть интересен для всех, кто интересуется творчеством баснописца, русским языком и русской культурой. Однако и в этом случае принципы интертекстовой динамики должны сохраняться.

Наиболее перспективной представляется дальнейшая разработка двух видов интертекстовых справочников активного типа: во-первых, словарей, в меру лексикографической целесообразности охватывающих максимальное количество авторов и источников; во-вторых, писательских тезаурусов, стремящихся показать с наибольшей полнотой присутствие конкретного автора в круге словесной культуры.

Литература

1. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: слов.-справ. / под общ. ред. К.П. Сидоренко. – СПб.: Свое издательство, 2013. – 680 с.
2. Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 253 с.
3. Шулежкова С.Г., Дядечко Л.П. Авторские образы и изречения в их лексикографическом отражении: (размышления по поводу книги В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко «Басни И.А. Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения». Санкт-Петербург, 2013 г.) // Филология и культура = Philology and Culture / Казан. (Приволж.) федеральный ун-т. – 2015. – № 2 (40). – С. 157–163.

4. *Сидоренко К.П.* Цитаты из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в текстах разного жанра. – СПб.: Образование, 1998. – 318 с.
5. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
6. *Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П.* Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова («Горе от ума»). – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 800 с.
7. *Данилевская Н.В.* Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003. – С. 216–221.
8. *Крылов И.А.* Басни / изд. подгот. А.П. Могилянский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 635 с. – (Лит. памятники / АН СССР; Отд-ние лит. и яз.).
9. *Дядечко Л.П.* Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. – Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2002. – 294 с.
10. *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002. – 286 с.
11. *Сидоренко К.П.* Полидискурсивность и интертекст («Волк на псарне» И.А. Крылова) // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2012. – № 3, т. 1. – С. 84–87.
12. *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. – 2-е изд. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1878. – 392 с.
13. *Аиукин Н.С., Аиукина М.Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – 4-е изд., доп. – М.: Худож. лит., 1987. – 528 с.
14. *Шулежкова С.Г.* «И жизнь, и слёзы, и любовь...»: происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 848 с.
15. *Сидоренко К.П.* Басни И.А. Крылова в ассоциативных реакциях // Психолингвистические аспекты речевой деятельности / Урал. гос. пед. ун-т; Урал. психолингв. общество. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 14. – С. 300–311.
16. *Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1996. – 214 с.
17. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24–38.
18. *Сидоренко К.П.* Опыт интертекстовой типологии словаря писателя // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие: пятые Жуковские чтения: материалы междунар. науч. симпоз., 4–6 мая 2011 г. / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – С. 476–479.
19. *Кольцова Л.М., Чуриков С.А.* Крылатое слово А.В. Кольцова: опыт словаря. – Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2009. – 172 с.
20. *Дядечко Л.П., Петренко О.В., Прайд Ю.Ф.* 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: (рус.-укр. толковый словарь). 250 крылатых слов и выражений Н.В. Гоголя: (укр.-рус. толковый словарь). – Симферополь: Изд. ФЛП К.А. Лемешко, 2012. – 584, 236 с. – Книга-перевёртыш.
21. Предисловие // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный 2-м Отделением Императорской Академии наук: в 4 т. – СПб., 1847. – Т. 1. – С. I–XXII.

ON THE PRINCIPLES OF THE DICTIONARY OF INTERTEXTUAL UNITS FROM I.A. KRYLOV'S FABLES

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 2016. 1 (9). 40–63.

DOI: 10.17223/22274200/9/4

Sidorenko Konstantin P., Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorenko274@yandex.ru

Keywords: intertext, intertextual dynamics, intertextual dispersion, intertextual space, segmentation of quotation, author's thesaurus.

The article considers some methods of lexicographical description of quotations, winged words and literary images from I.A. Krylov's fables. The fables by I.A. Krylov came into the circle of philological culture and have been present in the Russian macrotext for 200 years, from the beginning of the poet's fable creative work. The average educated native speaker of Russian knows 10–15 fables, about 70 fables can be found in dictionaries of winged words. The method of sequential selection shows that all 198 fables by I.A. Krylov were used in citation, but the position of such units is different. Krylov's intertextual dictionary has about 1700 vocables, a considerable part of them also shows the popularity of the writer's word, functioning of his expressions as a constantly transforming intertextual phenomenon which adapts to the changing discourse. In the article a classification of fables was proposed from the point of view of their common fame, frequency in quoting and new contexts producing. The analysis has shown that the main functional tendency of I.A. Krylov's expressions is semantic and structure change from a generalizing meaning to actualization of some components and their applying to everyday details.

In the Russian intertextual lexicography there were two directions which have determined the creation of two types of dictionaries: static and dynamic. First of all, it is the intertextual statics that assumes the description of material as an index of initial units focused on strict standard preservation of "someone else's word", and, as a rule, without illustrative material. On the other hand, the intertextual dynamics assumes that the author's word is considered functionally, first of all taking into account its convertibility, alternativeness, associative and standard mobility, variety and heterogeneity of illustrative contexts.

The dictionary of intertextual units from I.A. Krylov's fables has been focused on the processing of material according to the principles of dynamics. In this regard further development of two types of intertextual dictionaries is represented as most perspective: the personal thesaurus and the general vade-mecum covering the circle of verbal culture.

In Krylov's creativity one may find self-contained fables. Their content and quotation potential is polydiscursive and universal, applicable in a wide opened number of contexts. However, there are a lot of forgotten or half-forgotten (monodiscursive) fables that are still actively used in modern texts.

The dictionary is intended, first and foremost, for students-philologists in the study of the history of the Russian literary language, dialectology, modern Russian language, Russian speech culture and history of the formation of Russian literary norms.

References

1. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2013) *Basni Ivana Andreevicha Krylova: tsitaty, literaturnye obrazy, krylatye vyrazheniya: slovar'-spravochnik* [I.A. Krylov's Fables: Quotes, Images, Catch Phrases: a reference dictionary]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.

2. Sidorenko, K.P. (1999) *Intertekstovye svyazi pushkinskogo slova* [Intertextual connections of Pushkin's word]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University.
3. Shulezhkova, S.G. & Dyadechko, L.P. (2015) Authors' images and maxims in lexicographic studies (commentary on the book "I.A. Krylov's Fables: Quotes, Images, Catch Phrases" by V.M. Mokienko and K.P. Sidorenko, St.Petersburg, 2013). *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2 (40), pp. 157–163. (In Russian).
4. Sidorenko, K.P. (1998) *Tsitaty iz "Evgeniya Onegin" A.S. Pushkina v tekstakh raznogo zhanra* [Quotes from Eugene Onegin by A.S. Pushkin in the texts of various genres]. St. Petersburg: Obrazovanie.
5. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (1999) *Slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina* [The dictionary of Pushkin's winged words]. St. Petersburg: St. Petersburg State University; Folio-Press.
6. Mokienko, V.M., Semenets, O.P. & Sidorenko, K.P. (2009) *Bol'shoy slovar' krylatykh vyrazheniy A.S. Griboedova ("Gore ot uma")* [The Big Dictionary of A.S. Griboedov's winged words (Woe from Wit)]. Moscow: OLMA Media Grupp.
7. Danilevskaya, N.V. (2003) Makrotekst [Macrotext]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka.
8. Krylov, I.A. (1956) *Basni* [Fables]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Dyadechko, L.P. (2002) *Krylatye slova kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost'* [Winged words as the object of linguistic description: past and present]. Kiev: Kievskiy universitet.
10. Shulezhkova, S.G. (2002) *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitiye* [Winged words of the Russian language, their sources and development]. Moscow: Azbukovnik.
11. Sidorenko, K.P. (2012) Polydiscursiveness and intertext ("The wolf in the kennels" by I.A. Krylov). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3:1. pp. 84–87. (In Russian).
12. Kenevich, V.F. (1878) *Bibliograficheskie i istoricheskie primechaniya k basnyam Krylova* [Bibliographical and historical notes to Krylov's fables]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. I.I. Glazunova.
13. Ashukin, N.S. & Ashukina, M.G. (1987) *Krylatye slova. Literaturnye tsitaty. Obraznye vyrazheniya* [Winged words. Literary Quotations. Figurative expressions]. 4th ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
14. Shulezhkova, S.G. (2011) *"I zhizn', i slezy, i lyubov'..." : proiskhozhdenie, znachenie, sud'ba 1500 krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka* ["And life, and tears, and love . . .": the origin, meaning and fate of 1500 winged words and expressions of the Russian language]. Moscow: FLINTA; Nauka.
15. Sidorenko, K.P. (2016) *Basni I.A. Krylova v assotsiativnykh reaktsiyakh* [Fables of I.A. Krylov in associative reactions]. In: *Psikholingvisticheskie aspekty rechevoy deyatel'nosti* [Psycholinguistic aspects of speech activity]. Is. 14. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 300–311.
16. Gridina, T.A. (1996) *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo* [Language game: stereotype and creativity]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
17. Shcherba, L.V. (1974) O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the threefold aspect of linguistic phenomena, and on the ex-

periment in linguistics]. In: Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.

18. Sidorenko, K.P. (2011) [Experience of intertext typology of the dictionary of a writer]. *Literaturnaya i dialektnaya frazeologiya: istoriya i razvitie: pyatye Zhukovskie chteniya* [Literary and dialectal phraseology: history and development: 5th Zhukovsky Readings]. Proceedings of the international symposium. 4–6 May 2011. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. pp. 476–479. (In Russian).

19. Kol'tsova, L.M. & Churikov, S.A. (2009) *Krylatoe slovo A.V. Kol'tsova: opyt slovary* [Winged words of A.V. Koltsov: the experience of a dictionary]. Voronezh: Voronezh State University.

20. Dyadechko, L.P., Petrenko, O.V. & Pradid, Yu.F. (2012) *250 krylatelykh slov i vyrazheniy N.V. Gogolya: (rus.-ukr. tolkovyy slovar')*. *250 krylatelykh slov i vyrazheniy N.V. Gogolya: (ukr.-rus. tolkovyy slovar')* [250 winged words and expressions of N.V. Gogol: (Russian-Ukrainian Dictionary). 250 winged words and expressions of N.V. Gogol: (Ukrainian-Russian Dictionary)]. Simferopol: Izd. FLP Lemeshko K.A.

21. 2nd Division of the Imperial Academy of Sciences. (1847) Predislovie [Preface]. In: *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy 2-m Otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk: v 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian composed by the 2nd Division of the Imperial Academy of Sciences: in 4 vols]. Vol. 1. St. Petersburg.